

Б
Е
С
Е
Д
Ы

Н
и
к
и
т
а

Т
и
м
о
ш
е
н
к
а

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Никита Тимошенко
Беседы

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Тимошенко Н. А.

Беседы / Н. А. Тимошенко — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-97707-5

В спорах не рождается истина. В спорах рождается плесень. А истина рождается лишь в беседах. Перед тобой беседы о пути, о мышлении и об ошибках мышления, о смысле жизни, о боге и о личной эволюции... Вечер. Дым. Свечи. Музыка. Он и Она касаются своими беседами вечного, делая трансцендентное имманентным. Ты можешь стать их собеседником. Вместе с ними пройти по лабиринту сознания, держась за тонкую ариаднину нить мыслей и смыслов. Пройти достаточно далеко, чтобы понять, что никакого лабиринта нет - есть лишь тупики и множество выходов. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-97707-5

© Тимошенко Н. А., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

I. О Пути	6
II. О мышлении	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Никита Тимошенко

Беседы

*Истина рождается ересью,
а умирает предрассудком.
Георг Гегель*

*Человек есть нечто,
что должно превзойти.
Фридрих Ницше*

І. О Пути

– Знаешь, а кальян – предельно алхимическая штука, – многозначительно заявил Он, глядя на краснеющие и искрящиеся на газовой конфорке квадратные уголки.

Она лишь вопросительно взглянула на него, прикручивая к пузатой колбе длинную шахту, выполненную в виде изящной чёрной кобры, держащей в раскрытой пасти кальянную чашку. Он стоял к Ней спиной и приглашающего к беседе взгляда не видел. Но и без этого отлично знал: любую нить разговора Она всегда подхватит и поможет раскрутить самый запутанный клубок мыслей. Таких клубков у них было много, но каждый кальянный вечер становилось всё меньше. С такими клубками они вместе выбирались из затейливого лабиринта сознания, в котором не было минотавров и обглоданных им человеческих костей. Но было множество тупиков и петляющих тропинок, каждая из которых могла вывести из лабиринта, если отважиться идти по ним достаточно далеко. В сущности, и лабиринта не было. Были только тупики. И множество выходов. Размышляя о природе кальяна, Он предчувствовал, что сегодня они обойдут ещё несколько тупиков и найдут ещё несколько выходов.

– Смотри! – воодушевлённо продолжил Он после паузы. – Угли – это стихия огня. Вода в колбе, как бы это ни было парадоксально, – стихия воды. Табак в чашке – земля. А дым, очевидно, – воздух. Все четыре элемента слились воедино. Это же самая настоящая алхимия!

– Выходит, мы с тобой алхимики! – конечно же, Она подхватила нить разговора. – Вот только что мы ищем в своей хрущёвской лаборатории? Алхимики искали философский камень...

– А мы ищем истину! – угли на плитке, как бенгальские огни, стрельнули брызгами искр, словно поддерживая Его мысль. – Даже не так. Мы её не ищем, мы её находим! Ошибка большинства людей, сколько бы умными и старательными они ни были, в том, что они ищут. А надо находить. Неправильно поставленная задача – неправильные результаты. Не зря же вначале было слово. Значит, и начинать перемены к лучшему надо с него. Сел такой, взглянул на то, как ты мыслишь и какими словами себя программируешь, – нашёл баги – пофиксил баги. Изи!

– И где надо находить истину?

– Ну уж точно не в спорах. Тут то ли Сократ дал промашку, то ли его поняли неправильно... Вот это, кстати, вероятнее всего. Учтывая, что Сократ вообще был чуваком не особо разговорчивым и совсем не пишущим, исковеркать могли как угодно.

– Ну да, ну да. В спорах рождается плесень, грибок и что там ещё... тогда в вине? *In vino veritas*. Или тут латиняне дали промашку?

– Это всяко ближе. С винишка можно разболтаться и расслабиться. А именно в расслаблении и общении, как я думаю, истина и рождается. Этим она сильно отличается от деторождения. Ребёнком на расслабоне не разродишься.

– С другой стороны, – Она несогласно покачала головой. – Есть и что-то общее. Как ни тужься, ребёнка не родишь раньше срока. По крайней мере, здорового... И тем более не родишь, не зачав. Так и истину ждать раньше срока не надо. Недоношенная истина никого не порадует.

– Аминь!

Он уже раскуривал кальян, оттого голос, приправленный дымом, прозвучал особенно пикантно, даже инфернально. Семантика слова не вязалась с мелодикой голоса – получалась забавная эклектика. Услышав её, Он рассмеялся и закашлялся.

– А в нашем случае эта алхимия ещё алхимичнее, а рождение истины ещё больше похоже на рождение ребёнка.

На этот раз многозначительно говорила уже Она. А вопросительно глядел, ожидая продолжения беседы, Он.

– Ну, смотри. Двое. Мужчина и женщина. Два противоположных начала. Чёрное и белое. Инь и Ян. Чем не даосская алхимия? Чем не гегелевская диалектика? Немудрено, что в этом единстве противоположностей зачинается и рождается истина.

– Я теперь даже не знаю: это истинная алхимия или истинная майевтика? – Он улыбнулся, чмокнул её в нос, взял кальян и унёс из кухни в гостиную. – Кстати! А ведь майевтика – это платоновский способ философствования, то есть поиска истины. Но с древнегреческого это слово переводится как повивальное искусство, то есть родовспоможение. Вот оно как всё хитро переплетено. Какой любопытный лабиринт расходящихся тропок.

Она уже тоже перешла в гостиную, погасила основной свет, включила круглый год висящую на стене гирлянду и, зажигая толстые, уже заметно потёкшие свечи, перебила его исторический экскурс:

– И всё-таки! Где же у нас рождается истина?

– Да вот прямо здесь! – Он широко раскинул руки, обводя всю комнату, затянулся и дымным голосом продолжил. – И сейчас. Во время беседы. Все элементы алхимического таинства уже вступили в реакцию.

– А тогда зачем?

«Всё-таки майевтика, – подумал Он. – Так это и работает: через очевидные вопросы к неочевидным, скрытым где-то далеко и глубоко ответам. Моя милая Сократа. Звучит некажисто, но так кавайно».

Он улыбнулся своим мыслям и ответил уже серьёзно:

– А разве может быть цель жизни более высокая и значимая, чем нахождение истины? Все остальные цели тщетны и бессмысленны. Вернее, их смысл локален, субъективен. А если говорить о цели в широком смысле, то ничего глобальнее, чем обнаружение истины быть не может. Все эти навязанные и популяризированные цели типа богатства, успеха, карьеры, семьи – это не цели, а так, цельки. Кто-то всё это придумал, просто не сумев вообразить ничего более ценного, а остальные вкупились, даже не попытавшись подумать самостоятельно. Выходит, первые близоруки, а вторые – слепы.

– Ну, не знаю... – протянула Она. – Сильно сомневаюсь. Все эти надуманные миражи как раз таки глобальны – ими обманулась большая часть человечества.

– Вот именно, что обманулась! Кому-то и не нужен успех, но разбиваются ради признания. Другим и денег столько не надо, сколько положено зарабатывать в якобы приличном обществе. Третьи несовместимы с семейственностью, но зачем-то плодятся. В итоге каждая такая отдельно взятая целька не для всех, не для каждого. Плюс: выслужиться, заработать или родить не так уж и сложно, даже банально. А вот понять жизнь – это надо постараться! Потому что ничего глобальнее быть и не может. Мне кажется, это вообще максимум, на что человек способен. Не зря же его называют Homo Sapiens – человек разумный. Значит, его главная отличительная черта от всех других Homo – это разум. Он же его главный инструмент, предельная возможность которого – постичь доселе непостигнутое. Очевидно, следующий эволюционный вид, если не вымрем, конечно, обзаведётся ещё более совершенным инструментом и нацелится на ещё более великое и глобальное. Но я это пока даже представить не могу.

– Хм... По Веллеру, например, максимальное действие для человека – уничтожение вообще всего. Типа круче этого быть не может.

– Ну, как... – Он скривился скептической гримасой, глубоко затянулся, вгляделся в густой ароматный дым и нашёл там подходящий контраргумент. – Круче этого не может. А лучше – легко! Да и уничтожением, и созданием всего вообще, как ты говоришь, человек занимается ежедневно. Как и зарабатыванием или деторождением. Банально. А вот истина... ну, ты поняла.

– Окей! – примирительно кивнула Она и перехватила трубку. – Допустим. Но ведь истина, как, например, и успех, у каждого своя...

– Эн, нет! – Он резко оборвал её, поняв, куда поворачивает беседа, и зная, что отвечать. – Нам так кажется, потому что русская философская мысль каким-то чудом, или хером, параллельно с западной истиной измыслила ещё и какую-то свою правду. Ни в какой другой концепции такого философского понятия нет! Наши придумали правду, начали натужно её искать, конечно же, не нашли, потому что и нет её вовсе, и в конец запутались. Решили, что у каждого правда своя. Это было единственное мудрое и самое примиряющее решение. Вот и прописался в нас на уровне ДНК этот баг, который отождествляет правду с истиной – слишком параллельно и в одном и том же месте русский ум и русская душа пытались найти схожие категории. Истина и есть истина. А то, что у каждого своё, – это правда. Если у тебя не абсолютная истина, дающая ключики ко всем ребусам жизни, значит, у тебя не истина.

Она подошла к компьютеру, застучала по клавиатуре, подбирая музыку. «Ищу аккомпанемент для разгона», – пояснила Она. В колонках ожила легенда – группа Pink Floyd со своей нетленкой Another Brick In The Wall.

– Забавно, – ухмыльнулся Он. – Мне долго на слух казалось, что они поют «Another breaking the wall». Дескать, «другие ломают стену», а ты – нет. Я считывал призыв стать другим и ломать эту метафорическую стену, вероятно, вавилонскую. А оказалось, песня про кирпич в стене. А призыв: не становиться кирпичом и не строить стену.

– В этом даже больше смысла! – подметила Она, делая громче и возвращаясь к кальяну. – Действительно, проще не строить стену, чем ломать стену... Учили бы этому с детства. Не пришлось бы в песнях почти полвека почти без толку кричать: «Hey, Teacher, leave those kids alone!». Кстати, такие ослышки в текстах называются мондегрин. Наверняка, ты не один так ошибался.

– Самое забавное, что в этом случае ошибка никак не испортила впечатление от произведения и почти не искажала его посыл.

– Ну-с, продолжим ломать стену! – предложила Она, уже расположившись в джабутоне и окутывая себя тягучим дымом, как кэрролловская гусеница. – У такой истины должны быть критерии абсолютности. А то ведь можно опять запутаться.

– Философия уже давно назвала много критериев истинности. Это и соответствие законам логики, и соответствие ранее открытым законам и истинам, и проверяемость, и повторяемость вне зависимости от субъекта, и куча других абстрактных слов из мёртвых текстов. Теория эта суха. А вот практика куда влажнее. Она, практика, и есть главный критерий. Если тебе есть практическая польза от твоей истины, которая сразу про всё, значит, это истина.

– Ну, да, – согласилась Она, понимающе кивая и потягивая дым из кальяна. – Алхимик бы не ошибся, найдя философский камень. Хотя никогда достоверно не знал, каким он должен быть. Это типа чувствуется?

– Ага. На анекдот один похоже: любовь – это как обосраться в штаны. Все вокруг это замечают, но лишь ты один ощущаешь это приятное, тёплое чувство. Вот и с истиной не ошибёшься. Найдёшь – не будет никаких сомнений. А есть сомнения – значит не нашёл.

– Выходит, – заключила Она. – Абсолютная истина глубоко индивидуальна. Не парадоксально ли? Ведь с латыни «absolutus» – это безусловный, безграничный, то есть, по логике, что-то всеобщее, а не личное.

– В конкретных областях знания абсолютная истина такой и является. Например, Земля имеет форму шара, а не диска. И держится не на трёх китах, черепахах и так далее. Эта истина для всех. В абстрактных областях всё куда сложнее. Абстрактные постулаты легко принять за истину, даже если они таковыми не являются. Например, для верующих безусловен догмат о том, что бог един и только один. И, конечно же, только их бог, будь то Иисус, Аллах или Макаронный монстр. В итоге один и тот же догмат – «бог один» – конфликтует сам с собой в разных верованиях. Ведь, если бог один, надо определиться, какой именно. И тут начинают ломаться копья и разбиваться лбы в спорах об истинности. Очевидно, что этот догмат не истина. Надо

искать другой вариант. Такой, от которого не будет конфликтов, противоречий и проблем для тебя и окружающих. Надо искать такую истину, от обладания которой каждому будет легко и кайфово, от которой появится то самое приятное, тёплое чувство, как от любви или обсиранья.

– Если продолжить метафору с любовью... Ведь все мужчины на планете не стремятся любить одну самую лучшую и красивую девушку. А все девушки планеты не жаждут любви одного самого лучшего и сильного мужчины. У каждого своя любовь. Вероятно, так же и с истиной. Это про её индивидуальность.

– Во! Точно! – с воодушевлением воскликнул Он. – Абсолютность истины в конкретных областях, в физике, например, заключается в безотносительности к наблюдателю, субъекту мысли. Её абсолютность про всеобщность, она для всех. А абсолютность истины в абстрактных областях, например, в вере, заключается не в субъектах, а в темах, предметах. Философская истина должна быть не для всех общей, а для каждого своей, но такой, которая даёт ответы на все вопросы. Её абсолютность – в применимости ко всему. Философская истина про всё.

Он всмотрелся в набитые на предплечьях татуировки в виде дзенского энсо и в принт на своей футболке – каллиграфическое слово «ВСЁ», в котором ё изображена, как энсо с двумя точками сверху. Всмотрелся и удовлетворённо кивнул, соглашаясь сам с собой.

– А вот интересно, – продолжила Она, чувствуя, что клубок ещё не распутан до конца. – Что произойдёт, когда истина будет найдена? Всё? Гейм овер? На экране вспыхнут радостные огоньки, всплывёт таблица победителей, ты впишешь свой юзернэйм в их число и выгрузишься из игры?

– Ну, наверное, у многих так и выходит. Последний, заключительный инсайт на смертном одре. Ты краешком слабеющего сознания касаешься истины, понимаешь, что все эти годы жил не так, и тут же сознание угасает. Гейм овер, таблица, перезагружаешь игру, надеясь в этот раз пройти её лучше. А если серьёзно, то я не знаю, что тогда произойдёт. Так далеко мы ещё не заходили. Так что есть куда двигаться дальше.

– Тост за это путешествие и за этот Путь! – провозгласила Она торжественно, поднимая вместо бокала (которого и не было) кальянную трубку. – Тем более, в алхимии самое прелестное не то, что кто-то нашёл философский камень... и нашёл ли вообще кто-нибудь? Прелестны сами поиски!

Он, поддерживая тост, взял трубку, глубоко затянулся и искажённым голосом пропел: «Another breaking The Wall». Секунду подумал и заключил:

– Пока кто-то ищет философский камень, другие становятся нефилософскими кирпичами.

– А ведь и камень уже особо не ищут. 21 век! Все уже потеряли интерес к этой сказке. Все, наслушавшись современных гуру и коучей, поверили в другую сказку. В мистические практики, пинки и перепрошивки, которые превратят жизнь в золото.

– Лучше бы свой мозг превратили в бриллиант! – с едкой ухмылкой выпалил Он. – В идеально огранённый бриллиант, прекрасный и крепкий. В острый многогранный сверкающий инструмент, с помощью которого можно препарировать любую тему, мысль или проблему. Вскрыть, распотрошить и познать, докопавшись до истины.

– Кстати, эта концепция очень похожа на джняна-йогу, – Она воодушевилась от пришедших на ум мыслей и, не дожидаясь его реакции или замечаний, поспешила развить их, пока не потеряла нить. – Джняна-йога с санскрита означает «Путь знания». Это йога философствования, цель которого – осмыслить себя, реальность и бытие. Осмыслить всё.

Он с любопытством уставился на Неё, даже немного подался вперёд, всем своим существом требуя развития темы. Просить вслух не было нужды. Она и сама развивала мысль дальше:

– В джняна-йоге две главные практики. Первая – это поиск ответов на простые, казалось бы, вопросы. Например, на вопрос «Кто я есть?».

– О! Уличное хулиганье, выходит, джняна-йоги! – рассмеялся Он. – Подходят они такие: «Слышь, ёбана, ты кто будешь?». И хер ты им ответишь на этот вопрос исчерпывающе или хотя бы удовлетворительно.

– Вот и йогины на этот вопрос ответить не могут. Перебирают множество вариантов и понимают: я есть не просто человек, не просто йог, не просто живое существо, не просто ум, не просто душа... Я – ничто из этого и одновременно всё.

– Выходит, джняна-йога – что-то среднее между апофатическим познанием и разрешением коанов, – подытожил Он. – Йогин последовательно отрицает все возможные ответы, поскольку каждый из них в отдельности недостаточен, и приходит к тому, что однозначного исчерпывающего ответа и нет вовсе. Бери любой или никакой! Смысл один.

– Точно! – подтвердила Она Его умозаключение. – Поэтому и главная задача джняна-йоги не найти ответ, которого нет, а переосмыслить своё мышление, выявить баги, как ты говорил, и гармонизировать свою жизнь со своим мировоззрением. Или, если по-умному, достичь конгруэнтности.

– Это шикарно! – восторженно протянул Он и даже заплодировал. – Правильно! Если проблемы, как и разруха, в головах, надо не тело скручивать в каральку, а мозг! Ментальные асаны! Причудливые и невообразимые извороты сознания. Через хитрое переплетение мыслей к распутыванию мышления. Это можно было бы круто упаковать и дорого продать всем саморазвиванцам, повёрнутым на личностном росте.

– Не факт! – не согласилась Она. – Растяжка сознания куда сложнее растяжки булок. Эффект трудно достижим и не так очевиден. Массового помешательства на джняна-йоге не будет. А индивидуально некоторые и так занимаются. В домашнем уединении, словно в тихой келье. Как мы с тобой.

Она мило улыбнулась, вспорхнула и улетела на кухню заваривать пуэр. Действительно, было уже пора. Они успели неплохо раскуриться и разговориться. Аккомпанемент уже давно звучал и подгонял мысль. Для тотального расслабления недоставало крепкого чая.

– А какая практика вторая? – крикнул Он ей вслед. – Ты сказала, что в джняна-йоге две главные практики.

– Тут всё менее интересно и напрямую связано с первой практикой, – громко ответила Она, ломая плитку чая в заварник. – Нужно отстранённо наблюдать. Словно бы изнутри самого себе безучастно свидетельствовать всё, что происходит внутри твоего мира и снаружи.

– Не! Тут связь, скорее, не прямая, а обратная. Нужно сперва найти в себе безучастного наблюдателя, а потом уже искать ответы на вопросы. Иначе ненаблюдательный участник в тебе найдёт такие ответы, которые внутричерепные извилины запутают ещё больше и крепче.

Она уже возвращалась обратно с дымящимся чайником и парой кружек. Густого ароматного дыма в комнате стало ещё больше. Гостиная начала ещё больше походить на алхимическую лабораторию, в которой прямо сейчас совершается мистерия. Атмосфера сгустилась и уплотнилась, наполнившись чем-то таинственным, магическим. Время не просто замерло – исчезло! Пространство сузилось до размеров квартиры, кроме которой в мире в этот момент больше ничего не было. Перестало напряжённо вибрировать, начало расслабленно покачиваться, подобно спокойным волнам во время морского бриза. Такое ощущение было всегда, когда очередным кальянным вечером Они развязывали витиеватые беседы.

– Вот только учению этому уже хрен знает сколько тысячелетий, – заявила Она, возвращаясь к кальяну. – А всё имеет свойство стариться. Даже философии и религии. Джняна-йога не исключение. Причём она не только устарела в наши дни, но и никогда не практиковалась в наших широтах. Проще говоря, здесь и сейчас она бесполезна. У нас другая, отличная от индийской, ментальность. И у нас другая эпоха, другое всё! Что самое важное: жизнь стала быстрее, чем несколько тысячелетий назад. А вместе с ней быстрее стали люди. Выходит, современнее и быстрее должна стать и практика.

– Значит, пора придумать свою! – воодушевлённо резюмировал Он. – Если устарели и поросли терниями чужие пути, надо проторить свой новый путь.

Он самодовольно откинулся на спинку своего дзабутона и уставился на мигающие огоньки гирлянды. В сладком густом дыму их мерцание казалось энигматичным и походило на пульсацию звёзд в бесконечном вакууме космоса. Или на вспышки нейронов, рассеивающие темноту бездонного сознания.

– Видишь эти блики? – прошептала Она загадочно. – Это тени мыслей о недвойственных истинах.

– Красиво! – блаженно протянул Он. – Поэтично. Хоть хокку пиши про это.

Она выпустила густой клуб дыма в сторону гирлянды и прикрыла глаза так, чтобы блики казались ещё более таинственными. Так проще думать. Чем меньше информации мозг воспринимает извне, тем больше он может генерировать сам. Учитывая, что через визуальный канал человек получает примерно 80% информации, закрыть глаза – это надёжный способ отгородиться от мира за шторками век. Так можно многое понять и придумать. С закрытыми глазами мы видим не меньше (а то и больше), чем с открытыми.

Уже через минуту размышлений и жонглирования словами и образами Она на придыхании продекламировала готовый стих:

«Вспышки озарений
Рождают тени мыслей
О недвойственных истинах»

– Немного не по канону и не по размеру хокку, но прекрасно! – оценил Он. – Очень красочно и художественно. Настоящая картина! Словно на чёрном холсте разноцветные росчерки слов. Проявляются, когда читаешь или слышишь их, и тут же исчезают. Как те самые вспышки и тени. А наша задача – успеть заметить их, ухватить и сохранить. И здорово, что вспышек много. Одного озарения явно недостаточно для сатори. Нужен продолжительный фейерверк озарений, который поможет мыслям просветлеть.

– Так что там насчёт новой практики философствования? – вернула Она течение разговора в прежнее русло.

– Ну... – протянул Он, восстанавливая в памяти всё, что уже обсудили и заключили. – Мы уже определились с тем, что истина рождается в беседах, – Он рассмеялся. – У Платона были диалоги, а у нас будут беседы! Причём это даже лучше! Слово диалог образовано от греческих логос (то есть слово) и диа (то есть через, раздельно). Выходит, диалог, скорее, разделяет участвующих в нём и их слова, нежели объединяет. А вот беседа – это душевный разговор, обмен мыслями, это процесс объединяющий.

– Получается, для рождения истины нужны минимум двое? – уточнила Она.

– Это самый оптимальный вариант. Мы же уже решили, что это алхимично, по-даосски, – поразмыслив немного, Он с усмешкой добавил. – Но можно и в одного. Если мышление гермафродитное – способно с самим собой рождать такие беседы, из которых рождается истина.

– Выходит, – Она звонко расхохоталась над своей идеей и, с трудом говоря на смехе, заключила. – Истина – внучка мышления! А его дочка – это беседа с кем-то или с самим собой!

– Опять про майевтику и повивальные дела! – согласился Он, заливаясь смехом. – Я же говорю: тропинки хитро переплетены в этом лабиринте! – просмеявшись, он продолжил тему. – Суть практики определили. А как практиковать?

– Да как угодно! – радостно прокричала Она, и отражения горящих углей блеснули в её зрачках. – Пускай условности и правила выдумывают те, кто считает Путь сложным. Главное – комфорт и удобство. Под музыку или в тишине, при свечах и вечером или днём при свете солнца, с вкусняшками разными или натошак – да как угодно! Это же практика освобождения мысли. Как освободить мысль, обезволив себя?! Правила – это непозволительно прочные прутья оскорбительно тесной клетки. Взаперти на расширяться. Так что единственное условие

практики – раскрепостить мышление и освободить его от привычных и уже не замечаемых оков.

II. О мышлении

Только сейчас Они заметили, что альбом The Wall уже отзвучал. Колонки опустели – превратились в простые чёрные пластмасски. Вместо музыки: тягучей и протяжной, ритмичной и маршевой, лёгкой и почти эфемерной – вместо такой разной музыки остался лишь едва уловимый шорох динамиков, перешептывающихся о чём-то своём. Словно аудио-шлейф, как аромат хороших духов или свежего кофе, наполнивший комнату. Или как невнятное затухающее эхо голосов на спиритическом сеансе. А, собственно, чем прослушивание музыки не спиритический сеанс? Люди совершают ритуал: загружают плей-лист или вставляют диск, стартеры, может быть, заводят пластинку – и вдруг слышат голоса и звуки! Они дают советы, поучают или просто поддерживают, порой издеваются или шутят. Настоящая магия! Связь через пространство и время. При таком подходе музыка – отдельное измерение. Четвёртое, пятое, одиннадцатое или сто одиннадцатое. Сколько там насчитали и ещё насчитают учёные...

Размышляя об этом, Он вбивал в поисковик координаты следующего измерения, в которое хотел отправиться со своей подругой. Мгновение – и колонки вновь ожили, уловив голоса музыкальных духов. Словно радиосигналы из космоса, зазвучали синтетические нотки песни Die Roboter группы Kraftwerk.

«Самое быстрое пространственно-временное перемещение! И самое лёгкое. И пока что единственно возможное...» – резюмировал Он про себя, поворачиваясь от компьютера к Ней.

– А чем, собственно, человек отличается от робота? – продолжили Она майевтику, вслушиваясь в песню. – Сегодня искусственный интеллект может говорить с тобой, оперировать различной информацией, выполнять почти любую работу, даже творческую...

– Но они не болеют, не тупят и вообще выглядят перспективнее нас, да? – перебил Он, понимая, какая завязывается тема. Завязывается, словно весенние почки, и скоро лопнет, смеясь и звеня.

– Вот именно! – воодушевилась Она. – По сути, мы сейчас сотворяем новый вид, какого раньше не было на планете. Сотворяем по своему образу и подобию. Словно боги. Глядя на человеческую историю, можно заключить, что такое демиургство ничем хорошим не кончается.

– Или можно предположить, что роботы никогда не станут лучше нас, – улыбнулся Он в ответ, сделав музыку громче и вновь располагаясь за кальяном. – Смотри. Нас, людей, сотворил бог по своему образу и подобию... допустим, чисто в порядке бреда... Выходит, мы – копия бога. Копия не очень удачная. Словно ксерокс во время работы глюкнул, закончил все чернила и зажевал бумагу.

– Ну, или оригинал такой и есть! А копия – точь-в-точь! – рассмеялась Она в ответ. – Со всеми пороками, косяками и мерзостями.

– Тоже вариант. Но такой бог представляется не очень могущественным и убедительным. Никакая церковь не поставит народ на колени перед таким. Проще убедить массы, что это человечество попортилось после грехопадения. Так сказать, ксерокопия поистрепалась со временем. Видимо, в мультифорку вложить забыли. Но важно другое! Мы – копия бога. То есть вторичны по отношению к нему. Если роботы созданы по нашему образу и подобию, то они третичны по отношению к богу...

– Роботы – внуки бога! Как истина – внучка мышления! – рассмеялась Она неестественно низким от дыма голосом. – Горчить начал. Пойду перезабыю.

Недолго повеселившись над Её остротой (алхимия кальяна действовала: со временем каждая шутка становилась смешнее, а каждая мысль глубже), Он продолжил:

– Если судить ортодоксально, выходит, что роботы никогда не станут лучше нас. Третичны – значит, ещё дальше от бога, чем мы. Чем дальше от истока, тем река грязнее. Правда,

про реку, ставшую океаном, этого уже не скажешь... – Он замолчал, уставился в точку и пришёл в себя, только когда Она вернулась с новым кальяном. – А с чего мы вообще это начали?

– Я говорю: «А чем, собственно, человек отличается от робота?», – повторила Она смешным голосом, протягивая ему трубку. – На, охлади сознание: я новую смесь забила – шоколад-мята, с холдком.

– Вот! Кстати, сознанием же и отличается! – взбодрился Он, услышав это слово. – По крайней мере, так на любом курсе философии или обществознания расскажут. Дескать, человек – единственный живой организм, наделённый сознанием... С чего мы это вообще взяли?! Учитывая, что наука до сих пор не поняла, что такое сознание и откуда оно берётся, странно утверждать, будто бы им обладаем только мы. Мы не в курсе, что это и зачем, но на всякий случай узурпировали и попытались монополизировать. Вдруг кто ещё свои права на сознание предъявит. А мы им, как справку, наши учебники предъявим – лучшее доказательство нашего приоритета в очереди на право считаться сознательными существами. Классический тщеславный антропоцентризм.

Она хихикнула, но ничего не ответила. Выдохнула густой холодный дым и задумалась, глядя на него. Она размышляла, едва заметно шевеля губами, словно что-то нашёптывая. Без особых навыков липпридинга можно было разобрать только повторяющуюся артикуляцию слога «СО». Через несколько минут Она собралась с мыслями. Напевая «Я тучи разгоню руками», разогнала клубившийся перед собой дым и пафосно провозгласила:

– Мне не нравится слово «сознание»!

Он попытался сдержать смех, но не смог. Подавился, быстро откашлялся и пояснил:

– После такой продолжительной драматической паузы обычно следует что-то более значительное, эдакое мощное смысловое соло. Желательно в мажоре.

– Щас всё будет! – заверила Она, выразительно и важно поднимая руку и так призывая к терпению. – Сознание, если вдуматься, – это не наши мысли. Это коллективное знание. На что указывает приставка со. Выходит, со + знание. И в данном контексте речь идёт о знании второй свежести. Как осетрина у Булгакова. Это знание, накопленное всем обществом за всю историю. Следовательно, это знание не только полезное и практичное, но и примитивное, иррациональное. Здесь же все клише, шаблоны, предрассудки, предубеждения, приметы и суеверия, передававшиеся из поколения в поколение и вписанные в наш культурный и ментальный код. Сознание – это заархивированный в нас интеллектуальный багаж человечества. Вспомни, как люди собирают багаж в дорогу. Частенько берут и ненужное, всякую ерунду. Вот и с сознанием та же история.

Он дослушал, пару мгновений поразмышлял, подошёл к компьютеру и переключил музыку. Синтетика Kraftwerk резко оборвалась, из колонок полилась музыка сфер: Enigma – Fata Morgana.

– Более подходящий для темы аккомпанемент, – пояснил Он. – Если обобщить до простой формулы: человек – это система, выращенная другой системой, которую вырастила другая система... И так по нисходящей до глубокой древности. Поэтому-то в нас сегодняшних живы и по-прежнему активны паттерны мышления наших древних предков.

– Паттерны сознания, – поправила Она. – Отныне я буду разделять эти понятия. Если есть два разных слова, должно быть и два разных смысла.

– Тогда предлагаю ещё одно новое понятие: экстеллект. Типа как есть интерьер и экстерьер. Интеллект – это внутренние, личные знания индивида. А экстеллект – это внешние знания, привитые, навязанные, усвоенные. Тогда, выходит, сознание – это заархивированный экстеллектуальный багаж. И многие люди только им и богаты. Но не интеллектом.

Она лишь одобрительно хмыкнула.

– Но давай дальше разбираться в твоей терминологии. Положим, что сознание – это древний архив, склад и полезного, и бесполезного, и вредного для наших мыслей. А что тогда мы противопоставим ему? Должно быть что-то качественно другое?

Она задумалась, подбирая подходящий термин и с каждым мгновением прищуриваясь всё сильнее. «Чем глубже мысль, тем уже глазки!» – подметил Он про себя и, воспользовавшись паузой, откинулся в дзабутоне, чтобы расслабленно подымить.

Вскоре Её глаза резко расширились, и Она выпалила:

– Мышление! Самое уместное слово – мышление! Оно родственно слову мысль, а это уже что-то живое и актуальное, что-то личное, в отличие от сознания. Одного сознания мало, чтобы отличаться от роботов. Нечто подобное сознанию у них тоже есть – искусственный интеллект. Типа сумма знаний, какая-то информация, загруженная на диск, которой машина может оперировать. Сознание не отличает нас от роботов. Только мышление!

– Так вот мы про что! – воскликнул Он и звонко шлёпнул себя по лбу. – Опять забыл. Тяпну-ка я пуэрчику. А то мышление фрагментируется, – улыбнувшись, Он добавил. – Надо дефрагментировать свой нейронный диск крепким отваром.

– Чтобы отличаться от машин, нужно не просто думать, – вдохновенно продолжала Она. – Нужно параллельно постоянно думать о том, как и что ты думаешь. Критически переосмыслять каждую свою мысль, каждое своё убеждение. Только так можно определить, откуда в тебе эти мысли и убеждения, адекватны ли они, зачем они. Потому что большинство из того, что мы считаем своими мыслями, – непрошенное наследство предков, в том числе пещерных. Лишь после жёсткого и пристрастного анализа своего мышления можно давать своим мыслям резолюцию.

– Если вернуться к нашей прошлой теме, – подключился Он к размышлениям. – Можно заключить, что ещё не всякий Номо на поверку Sapiens. Вот почему некоторых наших соплеменников так и хочется проверить на близость видового родства.

– Да-да! Помнишь, как часто и как многие говорят, что надо мыслить шире? Но хоть бы кто-нибудь дал инструкцию и сказал, как именно!

– Просто это ещё одна пустая обесмысленная фраза. Такая же, как выход из зоны комфорта, позитивное мышление, полюбить себя, радоваться жизни и прочая такая дичь. Месседжи, похожие на чучело, которое таксидермист набил непонятно чем. А весь цимус ещё в том, что чучело одно, а набивают его коллективно, всем стадом, все кому не лень. Коворкинг, блять! В итоге никто и не знает, чем конкретно набито чучело. Набивка мифологизируется, романтизируется и становится всеобщей загадкой. Потому никто и не говорит, как мыслить шире. Все видят чучело, но никто ничего про него не знает.

– Надо распотрошить! – резюмировала Она, звонко рассмеявшись над его тирадой. – Или, что лучше, смастерить своё! Тем более, нам не привыкать, – на этих словах Она кокетливо подмигнула ему.

– В принципе, сама по себе фраза не бессмысленна. Посыл-то отличный, завет-то ценный. Просто затаскали фразу, как одежду занашивают и застирывают так, что она линяет. Широкое мышление явно не сводится к эрудиции и образованию. Всё это, безусловно, хорошо. Но, во-первых, многознайство уму не учит. А во-вторых, мышление образованных людей зачастую ничуть не шире. Узость взглядов может быть болезненно тесной даже у умнейших.

– Ну да, – согласно кивнула Она. – Костные священнослужители и зашоренные дипломированные эксперты тому пример. И примеров этих много. У образованного бэкграунд богаче, кладовочка со знаниями не пустует, но само мышление зачастую посредственной широты.

– Мышление – это не про знание. Это про процесс, – продолжил Он раскручивать мысль.

– Даже на глагол похоже! – смеясь, перебила Она. – «Что делание?» – «мышление».

Он хохокнул, но мысль не потерял:

– Следовательно, чтобы шире мыслить, надо менять не объём знаний, а технологию оперирования ими. Расширять сам процесс мышления. Но об этом прямым текстом, русским по белому, нигде не пишут, ни в одной книге. Есть полунамёки, кокетливые отсылки, много-много мистики и шизотерики и всего капля практики в океане водянистой информации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.